

Русские люди

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русские люди: Том 2 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 609 с.

ISBN 978-5-518-09027-9

ISBN 978-5-518-09027-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ

Г Л И Н К А

(1804 — 1857).

Михаиль Ивановичъ Глинка родился, въ 1804 году, мая 20-го, утромъ на зарѣ, въ селѣ Новоспасскомъ, принадлежавшемъ родителю его, капитану въ отставкѣ, Ивану Ивановичу Глинеѣ. Имѣніе это находится въ двадцати верстахъ отъ города Ельни, Смоленской губерніи. Оно расположено по рѣкѣ Деснѣ (близъ ея истока), и въ недалекомъ разстояніи окружено непроходимыми лѣсами, сливающимися съ знаменитыми брянскими лѣсами. Вскорѣ по рожденіи Глинки, мать его, Евгенія Андреевна (урожденная Глинка же), принуждена была предоставить первоначальное воспитаніе сына бабкѣ его, Феклѣ Александровнѣ (матери его отца), которая перенесла его въ свою комнату. Съ нею, кормилицею и нянею, провелъ онъ около трехъ или четырехъ лѣтъ, видаясь весьма рѣдко съ родителями.

Глинка былъ ребенкомъ слабого сложенія, золотушнаго и нервнаго расположенія. Бабка его, женщина преклонныхъ лѣтъ, почти всегда хворала, а потому въ комнатѣ ея (гдѣ обитала и онъ) было, по крайней мѣрѣ, не менѣе двадцати градусовъ по Реомюру. Несмотря на это, Глинка не выхо-

диль изъ шубки. На свѣжій воздухъ выпускали его очень рѣдко и то въ теплое время. Нѣтъ сомнѣнiя, что это первоначальное воспитанiе имѣло сильное влiянiе на развитiе его организма, и объясняетъ его неопределимое стремленiе къ теплымъ климатамъ.

Бабушка баловала внука до невѣроятной степени. Ему ни въ чемъ не было отказа. Несмотря на это, онъ былъ ребенкомъ кроткимъ и послушнымъ, и только, когда тревожили его во время занятiй, становился недотрогой, что отчасти сохранилось до конца его жизни. Однимъ изъ любимыхъ его занятiй, было ползать по полу, рисуя мѣломъ деревья и церкви. Малютка былъ весьма набоженъ, и обряды богослуженiя, особенно въ дни торжественныхъ праздниковъ, наполняли душу его живѣйшимъ поэтическимъ восторгомъ. Выучась читать чрезвычайно рано, онъ не рѣдко приводилъ въ умленiе свою бабуку и ея сверстницъ, чтенiемъ священныхъ книгъ. Музыкальная способность его выражалась въ это время страстию къ колокольному звону (трезвону). Онъ жадно вслушивался въ эти рѣзкiе звуки, и умѣлъ, на двухъ мѣдныхъ тазахъ, ловко подражать звонарямъ, такъ что, въ случаѣ болѣзни, приносили въ комнаты малые колокола, для его забавы.

Съ самаго малолѣтства, Глинка уже былъ слабонервенъ. Когда, за нѣсколько дней до кончины бабуки, ей приложили пластырь отвратительнаго запаха, то малолѣтнаго Глинку ни какою силою не могли принудить войти къ ней, и онъ не присутствовалъ при ея кончинѣ, несмотря на то, что очень любилъ ее. Послѣ кончины бабуки, образъ жизни мальчиwa нѣсколько измѣнился. Мать баловала его менѣе и старалась приучить его къ свѣжему воздуху; но эти попытки, по бѣльшей части, оставались безъ успѣха. Приставили къ нему другую няню, вдову землемѣра, по имени Ирину Ѳеодоровну, женщину простую и чрезвычайно добрую, а въ послѣдствiи присоединили къ ней французенку Розу Ивановну. Сверхъ того отецъ Глинки нанялъ архитектора, который далъ малюткѣ

карандашъ и началъ свои уроки рисованія, какъ водится, съ копировки глазъ, носовъ, ушей и пр., требуя отъ него безотчетнаго механическаго подражанія. При всемъ томъ, однако же, Глинка быстро успѣвалъ. Одинъ дальнѣй родственникъ, любознательный, бодрый и пріятнаго нрава старичекъ, не рѣдко навѣщалъ семейство молодаго Глинки, и любилъ разсказывать ему о далекихъ вѣяяхъ, о дикихъ людяхъ, о влпматахъ и произведеніяхъ тропическихъ странъ, и, видя съ какою жадностію онъ его слушалъ, привезъ ему однажды томъ книги, подъ названіемъ: *О странствіяхъ вообще*, изданную въ царствованіе Екатерины II. Въ послѣдствіи, отъ того же старичка родственника, получилъ онъ и другіе томы этого собранія путешествій. Малютка съ рвеніемъ припался за чтеніе этой книги, сюжетомъ которой были отрывки изъ путешествій знаменитаго Васко-де-Гама, и когда дѣло дошло до описанія острововъ Индійскаго архипелага, Суматры, Явы и другихъ, то его воображеніе разыгралось до того, что онъ принялся изучать описаніе этихъ прелестныхъ острововъ и началъ дѣлать извлеченія изъ вышеозначенной книги, что и послужило основаніемъ его страсти къ географіи и путешествіямъ.

Музыкальное чувство все еще оставалось въ немъ въ неразвитомъ и грубомъ состояніи. Даже по осьмому году, когда родители его спасались, отъ нашествія французовъ, въ Орелъ, Глинка, съ прежнею жадностію, вслушивался въ колокольный звонъ, отличалъ трезвонъ каждой церкви, и усердно подражалъ ему на мѣдныхъ тазгахъ. Всегда окруженный женщицами, играя только съ сестрою и дочерью няни Иришы Федоровой, принятой вмѣстѣ съ нею въ домъ, онъ вовсе не походилъ на мальчиковъ своего возраста; притомъ страсть къ чтенію, географическимъ картамъ и рисованію, въ которомъ онъ началъ примѣтно успѣвать, часто отвлекала его отъ дѣтскихъ игръ.

У отца иногда собиралось много гостей и родственниковъ. Это случалось въ особенности въ день его именинъ или когда

пріѣзжалъ къ нему какой либо дорогой человѣкъ, котораго онъ хотѣлъ угостить на славу. Въ такомъ случаѣ посылали обыкновенно за музыкантами, къ дядѣ его (брату матери), жившему въ восьми верстахъ отъ Новоспасскаго села. Музыканты оставались нѣсколько дней, и когда танцы за отѣздомъ гостей прекращались, то играли разные піесы. Однажды (это было въ 1814 или 1815 году, когда Глинкѣ минуло десять или одиннадцать лѣтъ), играли квартетъ съ кларнетомъ. Эта музыка произвела на Глинку чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Онъ оставался цѣлый день потомъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи и былъ погруженъ въ неизъяснимыя, томительно-сладкія ощущенія. Съ этого времени онъ сталъ болѣе и болѣе разсѣиваться, рисовать началъ небрежно, а однажды, на замѣчаніе учителя, что онъ все только и думаетъ о музыкѣ, сказалъ: «Что же дѣлать: музыка душа моя!»

И, дѣйствительно, съ той поры Глинка страстно любилъ музыку. Оркестръ его дяди былъ для него источникомъ самыхъ живыхъ восторговъ. Когда играли для танцевъ, эо-сесы, матрадуръ, кадрили и вальсы, онъ бралъ въ руки скрипку или маленькую флейту (*piccolo*), и поддѣлывался подъ оркестръ, разумѣется посредствомъ тоники и доминанты. Отецъ часто гнѣвался, что онъ не танцуетъ и оставляетъ гостей; но, при первой возможности, онъ возвращался къ оркестру. Во время ужина, обыкновенно играли русскія піесы, переложенныя на двѣ флейты, два кларнета, двѣ валторны и два фагота. Эти грустно-нѣжные, но вполне доступные для него звуки, чрезвычайно нравились ему, и были, конечно, первою причиною того, что въ послѣдствіи онъ сталъ преимущественно разрабатывать народную русскую музыку. Около этого времени, выписали дѣтямъ изъ Петербурга гувернантку Варвару Ѳедоровну Кламмеръ. Она была дѣвица лѣтъ двадцати, высокаго роста, строгая, взыскательная. Она воспитывалась въ Смольномъ институтѣ, и взялась учить ихъ порусски, пофранцузски, понѣмецки, географіи и музыкѣ. Пошли

въ ходъ грамматики, діалоги, краткія описанія земель и городовъ и проч. Все это надлежало заучивать въ долбяшку, то есть на вопросъ отвѣчать, не запинаясь, не измѣнивъ и не проронивъ ни слова. Хотя музыкѣ, то есть игрѣ на фортепіано и чтенію нотъ, ихъ учили также механически, однако же Глинка быстро въ ней успѣвалъ. Вскорѣ послѣ того дядя прислалъ къ отцу Глинки одного изъ первыхъ своихъ скрипачей, для обученія племянника игрѣ на скрипкѣ. Къ сожалѣнію, самъ учитель игралъ не совсѣмъ вѣрно, что не могло не отозваться и на ученикѣ.

Хотя Глинка любилъ музыку почти безсознательно, однакожъ предпочиталъ піесы, болѣе доступныя тогдашнимъ его музыкальнымъ понятіямъ. Оркестръ, вообще, онъ любилъ болѣе всего, а изъ оркестровыхъ піесъ, послѣ русскихъ пѣсенъ, предпочиталъ увертюры: «*Ma tante Auogee*», Боальдіе, «*Лодойска*», Крейцера, и «*Двое слѣпыхъ*», Мегюля. Эти двѣ послѣднія игралъ онъ охотно на фортепіано, равно какъ нѣкоторыя сонаты Штейбеля, особенно рондо *L'ogage*, которое исполнялъ довольно порядочно.

Въ началѣ зимы 1817 года, Глинка былъ привезенъ изъ деревни въ Петербургъ и отданъ въ новооткрытый тогда благородный пансіонъ при главномъ Педагогическомъ институтѣ, откуда выпущенъ, по окончаніи курса наукъ, лѣтомъ 1822 г. При большихъ своихъ способностяхъ, Глинка отлично учился во все время пребыванія своего въ благородномъ пансіонѣ. Онъ учился прилежно, велъ себя хорошо, былъ любимъ столько же товарищами, сколько и отличаемъ профессорами. Въ 1819, 1820 и 1821 годахъ получилъ онъ на экзаменѣ похвальные листы, гравюру и другія награды. Въ рисованіи онъ, безъ сомнѣнія, дошелъ бы до нѣкоторой степени совершенства, но учителя его, академики Безсоновъ и Сухановъ, замучили его огромными головами. Требуя рабскаго подражанія оригиналу, они довели молодаго Глинку до того, что онъ просто отвязался отъ ихъ уроковъ. Математику онъ разлюбилъ, когда

дошелъ до аналитики; уголовное же и римское право ему вовсе не нравилось. Въ танцахъ онъ былъ плохъ, равно какъ и въ фехтованіи... Любимыми предметами его были языки латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и потомъ *персидскій*; изъ наукъ — географія и зоологія. Онъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи въ ариметикѣ и алгебрѣ, что былъ репетиторомъ послѣдней изъ нихъ. Пройдя геометрію, онъ вовсе оставилъ математику, вѣроятно потому, что въ высшихъ классахъ число предметовъ значительно увеличилось. Подобно большей части своихъ соотечественниковъ, Глинка обладалъ необыкновенною способностію къ изученію языковъ и въ послѣдствіи времени, безъ особаго труда, къ исчисленнымъ выше языкамъ, прибавилъ языки италіанскій и испанскій, которыми владѣлъ, съ такою же легкостью и мастерствомъ, какъ французскимъ или нѣмецкимъ. Англійскій и персидскій скоро были имъ забыты, по недостатку практики. Любовь же къ географіи и зоологіи была прямымъ результатомъ поэтическаго художественнаго чувства, бывшаго, въ свою очередь, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ первыхъ годовъ, проведенныхъ среди живой природы, въ душныхъ улицахъ города. Страсть къ предметамъ разнообразной и живой природы, въ лѣта дѣтства высказавшаяся въ жадномъ чтеніи путешествій, осталась успокоительнымъ спутникомъ Глинки во всѣ послѣдующіе годы его безповойной жизни, и была, съ запятіемъ музыкою, такъ сказать, цѣлительнымъ бальзамомъ, среди посѣтившихъ его горестей и печали. Въ его автобіографическихъ запискахъ и нисьмахъ о своихъ путешествіяхъ по разнымъ странамъ, прежде всего попадаются рассказы о природѣ, окружавшей его, а вмѣстѣ съ тѣмъ о птичкахъ или звѣркахъ, которыми онъ всегда любилъ наполнять одну изъ своихъ комнатъ. Еще до пансіона началъ онъ замѣчать дивное разнообразіе естественныхъ произведеній. У дяди его было много птицъ, какъ въ клѣткахъ, такъ и въ отдѣленной сѣткою части гостиной, гдѣ онѣ летали. Глинка любилъ смотрѣть на нихъ и слушать ихъ пѣ-

ніе. Родителямъ Глинки досталось потомъ, по наслѣдству отъ дяди, это множество птицъ. Въ самый годъ отъѣзда изъ деревни въ Петербургъ, у Глинки уже летали птицы въ комнатѣ, а когда онъ жилъ въ пансіонѣ (въ отдѣльной квартирѣ, съ тремя товарищами и гувернеромъ), надъ мезониномъ, гдѣ онъ былъ помѣщенъ, на большомъ чердакѣ разведены были у него разнаго рода голуби и кролики. Болѣе же всего способствовали развитію страсти его къ зоологіи, посѣщенія кунсткамеры, подъ руководствомъ преподававшаго профессора. Въ жизни Глинки, мы встрѣчаемъ множество примѣровъ о его любви въ животнымъ. Такъ, во время четырехъ-мѣсячнаго пребыванія своего на Кавказѣ, въ 1823 году, Глинка приручилъ тамъ дикихъ козочекъ.

Въ 1826 году, воротаясь въ деревню послѣ масляницы, проведенной въ Смоленскѣ, онъ завелъ у себя птицъ варакушку, ольшанку, черноголовку и другихъ, всего до шестнадцати штукъ. Весною 1844 г., передъ отъѣздомъ за границу, у него было до двадцати птицъ, свободно летавшихъ по комнатамъ, и причѣмъ каждая изъ нихъ знала свою кѣтку. Во время пребыванія его въ Парижѣ, онъ каждый день много часовъ посвящалъ прогулкамъ въ Jardin des Plantes, и держалъ немало пѣвчихъ птичекъ. Путешествуя, въ 1847 году, по Испаніи, онъ завелъ въ Севильѣ до четырнадцати птицъ, которыя летали въ нарочно-отведенной для нихъ комнатѣ. Въ Варшавѣ, въ 1847 и 1849 годахъ, онъ также держалъ на волѣ до шестнадцати птицъ и зайчиковъ; также въ Петербургѣ, лѣтомъ 1855 года, у него было въ особой комнатѣ около десяти птицъ. До отъѣзда Глинка обыкновенно игралъ на скрипкѣ, чтобы раззадорить своихъ птицъ и заставить ихъ пѣть.

Въ запискахъ Глинки, посвященныхъ его пансіонскимъ воспоминаніямъ, самое главное мѣсто занимаетъ воспоминаніе объ одномъ изъ наставниковъ его, Н. Я. Колмаковѣ. Это былъ человѣкъ чрезвычайно оригинальный и добрый. Глинка,

говоря о немъ, называетъ его «честнымъ мужикомъ и добрымъ христіаниномъ». Несмотря на всѣ странности, Колмаковъ былъ обожаемъ всѣми воспитанниками, и успѣлъ заронить, въ поэтическое и благородное сердце Глинки, такую о себѣ память, что она, даже черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, горячо выразилась на многихъ страницахъ его автобіографіи.

Что касается до пансіонскихъ товарищей Глинки, то они въ школѣ уже оцѣнили, или, по крайней мѣрѣ, предчувствовали особенность натуры Глинки, призваніе ея къ дѣятельности художественной, къ жизни совсѣмъ иной, чѣмъ жизнь и дѣятельность большинства. Послѣ сухихъ репетицій, онъ предавался полету свободной импровизаціи, отдыхая за нею отъ головоломныхъ занятій и заботъ ученическихъ. Въ этихъ звукахъ, дрожавшихъ восторгомъ, высказывалъ онъ, и свои дѣтскія мечты, и свою томную грусть, и свои живыя радости.... Лучшія награды за прилежаніе были для него не въ похвалѣ учителей, а въ свободной отъ ученія минутѣ, когда онъ могъ вполне предаться ненасытнымъ порывамъ своей фантазіи.

Привезя своего сына изъ деревни въ Петербургъ, родители Глинки имѣли въ виду, конечно, одну цѣль: дать ему хорошее образованіе. Они ни сколько не помышляли тогда, что, изъ этого тихаго, вроткаго и прилежнаго мальчика, долженъ выйти въ послѣдствіи великій русскій художникъ; ни сколько не заботились о томъ, что ему необходимо быть теперь въ большомъ, столичномъ городѣ, для того, чтобы получить возможность расширить свой артистическій горизонтъ. По крайней мѣрѣ, въ запискахъ Глинки нигдѣ о томъ не упомянуто. Ему дали въ Петербургѣ и фортеціано и музыкальныхъ учителей, единственно потому, что уже и въ деревнѣ онъ не безъ успѣха учился музыкѣ и игралъ на фортеціано; притомъ же такія занятія непремѣнно входили въ составъ воспитанія всякаго дворянина въ Россіи. Но быстрые успѣхи, оказанные Глинкою въ самое короткое время, были необходимымъ ре-

зультатомъ его занятій, подъ руководствомъ учителей, болѣе опытныхъ, чѣмъ деревенскіе гувернеры и гувернантки. По приѣздѣ въ Петербургъ, Глинка учился играть на фортепіано у знаменитаго Фильда и, къ сожалѣнію, взялъ у него только три урока, ибо Фильдъ уѣхалъ въ Москву... Въ три взятые у него урока, Глинка выучилъ его второй дивертисементъ (e-dur), и получилъ отъ него лестное одобреніе. По отъѣздѣ Фильда, взяли въ учителя ученика его, Омана, который началъ съ нимъ первый концертъ Фильда (es-dur). Послѣ него Цейнеръ усовершенствовалъ еще болѣе механизмъ игры Глинки и даже нѣсколько самый стиль. Преподаваніе же теорія, а именно интерваловъ съ ихъ обращеніями, шло не такъ успѣшно. Цейнеръ требовалъ, чтобы Глинка училъ его уроки въ долбашку, а это ему надоѣло, почему онъ въ послѣдствіи взялъ въ учителя Карла Мейера, который современемъ сдѣлался его пріателемъ и болѣе другихъ содѣйствовалъ развитію его музыкальнаго таланта. Въ день выпуска изъ пансіона, въ 1822 году, Глинка сыгралъ публично амольный вонцертъ Гуммеля, причемъ Мейеръ акомпанировалъ ему на другомъ роялѣ...

Однажды дядя повезъ его къ знаменитому Гуммелю, въ бытность послѣдняго въ Петербургѣ. Онъ благосклонно выслушалъ, какъ молодой человѣкъ сыгралъ ему первое соло его амольнаго концерта, а затѣмъ началъ самъ импровизировать... На скрипкѣ дѣло шло не такъ удачно. Хотя учитель Глинки, первый концертистъ Бемъ, игралъ вѣрно и отчетливо, однако не имѣлъ дара передавать другимъ своихъ познаній, и когда Глинка дурно владѣлъ смычкомъ, то говорилъ своимъ несовершеннымъ, на нѣмецкій ладъ, французскимъ діалектомъ: «*Monsieur Klinka, vous ne choezerez jamais du violon*».

Зато, если усовершенствованіе игры на фортепіано не повело Глинку ни къ какимъ важнымъ результатамъ, исключая того, что дало возможность въ послѣдствіи свободно импровизировать и акомпанировать пѣнію, то совсѣмъ другіе результаты имѣла его игра на скрипкѣ: она сблизила его съ

оркестромъ. Несмотря на то, что онъ мало успѣвалъ на этомъ инструментѣ, онъ уже могъ играть въ оркестрѣ дяди. Въ 1819, 1820 и 1821 годахъ, во время вакацій, онъ посѣщаль родителей своихъ. Оркестръ дяди мало по малу усовершенствовался и увеличился нѣсколькими мальчиками, которыхъ отецъ Глинка отдалъ въ ученье, чтобъ имѣть собственную бальную музыку. Сверхъ того, для младшихъ сестеръ, наняли гувернантку, мужъ которой, Карлъ Федоровичъ Гемпель, сынъ органиста изъ Веймара, былъ хорошій музыкантъ. Въ свободные часы онъ отправлялся съ молодымъ Глинкою къ дядѣ Аѳанасію Андреевичу, и вмѣстѣ восхищались музыкою... Въ концѣ 1823 года, черезъ годъ по выпускѣ изъ пансіона, занятія съ этимъ самымъ оркестромъ стали еще серіознѣе: повидимому, не слѣдуя ни чьему совѣту, а одному художественному своему инстинкту, Глинка сумѣлъ воспользоваться присутствіемъ и удобствомъ этого домашняго оркестра, почти всегда готоваго къ его услугамъ, для того, чтобъ изучить оркестрное дѣло единственно вѣрнымъ и плодотворнымъ образомъ — путемъ непосредственной практики. Чтобы добиться болѣе отчетливаго исполненія, каждый разъ, когда приѣзжали музыканты (а приблизительно это было два раза въ мѣсяцъ, причемъ они оставались нѣсколько дней, а иногда около недѣли), прежде общей пробы, онъ проходилъ съ каждымъ музыкантомъ, исключая немногихъ лучшихъ, его партію до тѣхъ поръ, пока не было ни одной невѣрной или даже сомнительной ноты въ исполненіи. Такимъ образомъ онъ подмѣтилъ способъ инструментовки бѣльшей части лучшихъ композиторовъ для оркестра (Глука, Генделя и Баха онъ зналъ только по наслышкѣ). Затѣмъ Глинка слушаль общій эффектъ піесы, и управляя самъ оркестромъ, играя на скрипкѣ. Когда же піеса шла порядочно, онъ отходилъ на нѣкоторое разстояніе и слѣдилъ такимъ образомъ за эффектомъ изученной уже инструментовки. Репертуаръ состоялъ, по бѣльшей части, изъ увертюръ, симфоній, а иногда игрались и концерты.